

ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКА ФАНТАСТИЧЕСКОГО РАССКАЗА В.Я. БРЮСОВА «ТОРЖЕСТВО НАУКИ» («НЕ ВОСКРЕШАЙТЕ МЕНЯ!»)

DISCOURSE ANALYSIS OF THE LANGUAGE
OF THE SCIENCE FICTION STORY
BY V.YA. BRYUSOV "THE TRIUMPH
OF SCIENCE" ("DON'T RESURRECT ME!")

A. Gryaznova
A. Loginov

Summary: For the first time, the language of V. Ya. Bryusov's story "The Triumph of Science" ("Don't Resurrect Me!") is examined from a linguo-poetic position in the article. Using the method of discursive analysis, the genre of the work is specified, which qualifies as a warning story that combines the features of a pamphlet with elements of dystopia, as well as the meaning of the work. The means of creating satire in the work are the techniques of sarcasm, grotesque, contrast, alogism, absurdity. The anti-utopian effect is achieved with the help of such language techniques that form the subtext of the story, such as the actualization of the background semantics of numerals, the use of intertextual inclusions, anthroponyms.

Keywords: language of V.Ya. Bryusov, linguopoetics, fantastic text, pamphlet genre, dystopia, discursive analysis, sarcasm, grotesque, subtext.

Грязнова Анна Тихоновна

Доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ
«Московский педагогический государственный
университет»
grant09@yandex.ru

Логинов Александр Викторович

Доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ
«Московский педагогический государственный
университет»
loginov13av@mail.ru

Аннотация: В статье впервые с лингвопоэтических позиций рассматривается язык рассказа В.Я. Брюсова «Торжество науки» («Не воскрешайте меня!»). С помощью метода дискурсивного анализа уточняется жанр произведения, который квалифицируется как рассказ-предупреждение, совмещающий черты памфлета с элементами антиутопии, а также смысл произведения. Средствами создания сатиры в произведении служат приемы сарказма, гротеска, контраста, алогизма, абсурда. Антиутопический эффект достигается с помощью таких языковых приемов, формирующих подтекст, рассказа, как актуализация фоновой семантики имен числительных, использование ин-тертекстуальных вкраплений, антропонимов.

Ключевые слова: язык В.Я. Брюсова, лингвопоэтика, фантастический текст, жанр памфлета, антиутопия, дискурсивный анализ, сарказм, гротеск, подтекст.

В творческом наследии В.Я. Брюсова есть области, которые до настоящего времени не становились объектом анализа ни литературоведов, ни лингвистов. К их числу принадлежат сатирические тексты писателя, наиболее ярким среди которых является рассказ, впервые вышедший под названием «Не воскрешайте меня! Рассказ-памфлет» (1963). Однако в каталоге Российской государственной библиотеки среди неопубликованных рукописей он зафиксирован как «Торжество науки» с подзаголовком «Записки о посещении Теургического института» и пометой «1910 год». Информация о времени создания произведения в разных публикациях также не совпадает: А.Е. Ануфриев [Ануфриев 2017] отмечает, что рассказ создан в 1917 г., а в первой советской публикации, которая произошла в 1963 г., указан 1918 г.¹ Других исследований рассказа нам обнаружить не удалось.

Анализ языковых средств в этом фантастическом произведении представляется нам актуальным, так как он позволяет, с одной стороны, составить целостное представление об идиостиле В.Я. Брюсова, а с дру-

гой, помогает проследить пути развития российской фантастики.

Целью данной статьи является дискурсивный анализ языковых средств научно-фантастического рассказа В. Я. Брюсова «Торжество науки» («Не воскрешайте меня!») на фоне характеристики языка эпохи, что необходимо для уточнения идейно-жанровой квалификации произведения.

Дискурсивный анализ представляет собой интерпретацию языка художественного произведения в контексте исторических, социальных, культурных условий его порождения. По наблюдениям Л.П. Прокошенковой и И.Б. Гецкиной, «структура дискурса предполагает наличие двух коренным образом противопоставленных ролей – говорящего и адресата. Именно по этой причине сам процесс языкового общения может рассматриваться в этих двух перспективах. Моделирование процессов построения (порождения, синтеза) дискурса – не то же самое, что моделирование процессов понимания (анализа) дискурса» [Прокошенкова, Гецкина 2006: 451]. Исследо-

¹ Отметим, что на сегодняшний день ситуация не изменилась: в 2022 г. вышел сборник, в котором название рассказа вынесено в заглавие, а в издании «Семь земных соблазнов» (2023) рассказ назван «Торжество науки».

ватели отмечают, что для изучения структуры дискурса используются три подхода: с учетом авторской позиции, с учетом читательского восприятия, с точки зрения построения текста [Там же, с. 451]. В данной статье нами будут использованы все три подхода.

Дискурсивный анализ художественного текста невозможен без уточнения характеристики его жанра.

В современной филологии выделяется жанр романа-предупреждения, который в фантастической форме освещает проблемы социального устройства и предупреждает от ошибок, которые могут фатальным образом сказаться на его последующем развитии, что роднит его с жанром антиутопии, изображающей целостную картину существования несовершенного общества. Произведение Брюсова можно назвать рассказом-предупреждением. К числу признаков антиутопических произведений относят атмосферу страха, создаваемую лексикой одноименного семантического поля, использование псевдокарнавализации (неестественности, наигранности поведения героев, вызванных страхом), трансформации хронотопа (перенос действия в будущее и ограничение пространства), ритуализация, аллегоричность. Все эти признаки в той или иной степени использованы Брюсовым [Шепелева, Долгина 2015].

Издателями первой публикации рассматриваемое произведение квалифицировано как «рассказ-памфлет». Русской литературе присуще многообразие разновидностей памфлета: форма памфлета-письма, точнее цикла писем, характерна для «Почты духов», новеллой-памфлетом можно назвать произведение В.Ф. Одоевского «Город без имени» [Шапсугов 2018], примерами романа-памфлета служат «Бесы» Ф.М. Достоевского [Скрыпник 2018], «Мы» Е. Замятина [Гассиева 2012], очерки-памфлеты встречаются у М. Горького «Город желтого дьявола» и «Черт» [Примочкина 2020], А. Аверченко «Двенадцать ножей в спину революции» [Бачиха 2015], И.А. Бунина «Окаянные дни» [Щавелёв 2020]. Среди перечисленных произведений встречаются такие, в которых использованы фантастика и элементы антиутопии, что отмечается авторами исследований, и критике в них подвергаются социальные тенденции, еще не получившие развития в России в момент написания текстов.

Для того чтобы понять объект сарказма В.Я. Брюсова в рассматриваемом тексте, обратимся к его лингвистическому анализу. Для решения этой задачи методом сплошной выборки мы выбрали из произведения языковые единицы, требующие комментария с учетом исторической перспективы, тематически организовали их в семантические группы и интерпретировали с позиций

идейно-жанрового своеобразия рассказа В.Я. Брюсова.

На хронотоп описываемых в тексте событий указывают реалии трех тематических групп: во-первых, это прямые указания на время, имеющиеся в тексте, во-вторых, перечисление бытовых реалий и реалий социально-государственного устройства, в-третьих, научные термины. Все они обозначены лексемами, использованными в прямом значении.

Художественное время памфлета устанавливается с опорой на вербальные сигналы, представленные в тексте: в статье А.Е. Ануфриева указан XXIV век [Ануфриев 2017], но в текстах публикаций рассказа такие сведения отсутствуют – в произведении хронология обозначена в реплике директора Института теургии: «Подумайте, какой триумф науки! Нас отделяют две тысячи лет, и восстановление достигнуто, достигнуто!». С учетом того, что реплика произносится на фоне клетки №3, на которой написано «Иуда Искариот . I век н. э.»², описываемые события происходят в XXI веке, т. е. налицо трансформация художественного времени.

При этом реалии, используемые повествователем для описания Теургического института, отсылают читателя к концу XIX – началу XX вв.: простой грифельный карандаш, полотняный халат, отдел приема прошений (канцелярия по принятию прошений существовала в Российской империи до революции 1917 г.), заявление (в значении «письменная просьба о чем-либо (составленная по установленной форме) впервые зафиксирована в письме А. П. Чехова 1900 г. [БАС 2006: 659]), институт (понятие «исследовательские институты» появилось не раньше 1918 г., когда «в мае 1918 г. в составе Академии наук начали работать Институт физико-химического анализа и Институт по изучению платины» [Бастракова 1999: 166].

Перечисленные лексемы и номенклатурные обозначения свидетельствуют о том, что при создании памфлета Брюсов ориентировался на воссоздание деталей современной ему действительности, что было необходимо для достижения эффекта правдоподобия – обязательного, по мнению Б.Н. Стругацкого, компонента фантастического произведения. В своем памфлете Брюсов создал альтернативную версию знакомой ему реальности, руководствуясь принципом «изменения условий нашего мира».

Фантастическую составляющую рассказа нельзя назвать строго научной, тем не менее в рассказе использованы термины, актуальные в научном дискурсе начала XX века. Среди лексем этого рода преобладает актуализированная лексика, которая функционировала в речи и

2 В «Торжестве науки» представлена иная версия: «Иуда из Кариота. I век по Р. Х.», т.е. по Рождеству Христову. В советский период датировка была изменена по идеологическим соображениям [Брюсов 1993: 133].

до начала XX в., но именно в этот период стала наиболее востребованной в связи с направлениями научных изысканий. Она преобладает в речи директора Теургического института.

К ней принадлежат лексемы с корнем **позитив-**: «наука осталась **позитивной**, какой она и будет всегда, пока человек будет мыслить по законам логики! Мы **позитивисты** в том смысле, что отрицаем всякую мистику, все сверхъестественное... Теперь нам **позитивным** образом известно, что со смертью тела психический центр, образовавший личность человека, не уничтожается». **Позитивизм** – научное направление, появившееся в Европе в середине XIX века и обретшее популярность в России начала XX в. Приоритетным, с точки зрения позитивизма, был опытный, эмпирический путь получения научной информации. Одним из наиболее ярких представителей позитивизма в России был нарком просвещения А.В. Луначарский³.

Позитивистический подход в этот период активизируется и в естественных науках: начали ставиться медицинские опыты, целью которых было исследование возможностей человеческого организма⁴. Современником писателя был российский физиолог А.А. Кулябко (1866–1930), изучавший рентгеновское излучение и ставший основателем направления радиобиологии в России. Согласно легенде, в 1923 г. профессор продемонстрировал А. Луначарскому, приехавшему в Томск, эксперимент оживления головы собаки, нарком просвещения был заинтересован увиденным и рассказал об этом А. Беляеву, будущему автору фантастической повести «**Голова профессора Доуэля**» (1923)» [Томский литературный калейдоскоп 2021]. Вероятно, под впечатлением этих опытов М.А. Булгаковым была написана повесть «Собачье сердце» (1925).

Отражением использования исключительно позитивного метода в науке (на это указывает актуализация таких деталей речи Директора Теургического института, как наукообразие и отсутствие обобщающей теоретической базы («факт, установленный ныне **экспериментально**»; «**экспериментальным** путем», «**точные** науки»; «**радий**», «**радиоактивные** эманации»).

Эти особенности речи псевдоученого подчеркиваются в памфлете разнообразными языковыми средствами. Повествователь постоянно отмечает, что его собеседник уклоняется от прямых и внятных ответов на вопросы, ссылаясь на секретность, но причиной такой уклончивости, как показывает текст, является не проблематика института, а неспособность директора объяснить фундаментальные основы проводимых исследований. С це-

лю дискредитации его как ученого Брюсов использует, с одной стороны, фигуру умолчания, а с другой – метатекстуальные комментарии повествователя, которые объединяются семантикой «минимальные сведения», что заставляет заподозрить Директора института в слабости научной подготовке: долго пришлось выуживать ... скудные пояснения; добился лишь одного признания; какими-то особыми, составляющими его тайну методами; личности становятся **чем-то материальным**. В косвенной речи, передающей рассказ руководителя Теургического института, частотны неопределенные местоимения, которые вряд ли уместны в рассказе о научном открытии, требующем терминологической точности и четкости формулировок.

В то же время причастность к «тайне» (отсылка к ритуализации, присущей антиутопии) рождает у сотрудников Института во главе с руководителем чувство превосходства: в репликах директора присутствует оценочная лексика, использование которой определяется объектом характеристики: он с пренебрежением относится к «непосвященным», в том числе «малообразованным репортерам», называя их «полуобразованной массой» и «лицами, лишенными правильной научной дисциплины». Деятельность института он, напротив, оценивает подчеркнуто положительно, даже явные недоработки представляя как мелкие недочеты: результаты собственных изысканий он характеризует посредством гиперболы (величайшее «из открытий, когда-либо сделанных точным знанием»), а предвидя негативное впечатление от результатов «пространственной восприимчивости» визуализации Гегеля – как «**кое-какие** недочеты», объясняя, что *опыт «не совсем удался»* со ссылкой на «молодость» теургической науки.

Другим средством сатирического изображения деятельности Теургического института является алогизм: директор постоянно подчеркивает, что его исследования не имеют ничего общего с религией: он протестует против употребления собеседником слов с корнем *воскрес-* (глагола *воскрешать*, *субстантивата* *воскрешенные*, *воскрешение*), его коробят слова *чудо*, *душа*, которые он предлагает заменять перифрастическими выражениями («вульгарное толкование **нашей проблемы**»; *восстановление «психических центров, образовавших ранее личность»*; *методы, давшие возможность психическим комплексам, ранее бывшим личностями, влиять на материальные элементы пространства и времени*), протестует против использования термина спиритизм и в то же время цитирует Библию, приглашая собеседника пройти в лабораторию: «*“Посмотри и убедись”, как Христос сказал Фоме неверному*». Цитата используется В.Я. Брюсовым целенаправленно: директор

3 См. его статью «Метаморфоза одного мыслителя» [Луначарский 1905].

4 Об опытах доктора Е.А. Мухина писал А. Митрофанов [Митрофанов 2019].

имплицитно сравнивает себя с Творцом, а репортера с Фомой неверующим, хотя тот искренне стремится понять суть эксперимента. Случайно или намеренно говорящий искажает первоисточник, так как фраза, адресованная Фоме, в оригинале выглядит иначе: «Потом говорит Фоме: *подай перст твой сюда и посмотри руки Мои; подай руку твою и вложи в ребра Мои; и не будь неверующим, но верующим*» (Евангелие от Иоанна 20:26).

Для писателя важно показать, что реплика директора, использованная им как фигура речи, имеет первоисточником знаковый прецедентный текст, а именно Откровение Иоанна Богослова (Апокалипсис): «б:1. И я видел, что Агнец снял первую из семи печатей, и я услышал одно из четырех животных, говорящее как бы громовым голосом: **уди и смотри**». Отсылка к нему указывает на апокалиптические последствия, к которым, по мнению автора текста, может привести необдуманные научные эксперименты.

В тексте памфлета встречается еще одно интертекстуальное вкрапление: интересуясь у собеседника внешним видом «воскрешенных», он спрашивает, в каком облике отобразится их «личность»: «*Но в каком же виде предстанет она? Младенца? Юноши или девушки? Или взрослым человеком или, наконец, такой, какой была в минуту смерти? Как Деифоб, которого Эней видел в Тартаре⁵ с отрезанными ушами и носом?*» Этот фрагмент актуализирует сему 'смерть', которая в последующем повествовании актуализируется посредством языковых единиц различной степени сложности. С помощью подтекста В.Я. Брюсов подчеркивает опасность экспериментов над человеческой личностью.

Дискредитация позитивистских убеждений директора осуществляется Брюсовым с помощью приема абсурда, являющегося крайним проявлением алогизма. Этот прием обнаруживается в визуализации облика «*Георга Вильгельма Фридриха Гегеля, автора диалектической философии*» в виде лица ученого – директор института оправдывает неудачу эксперимента тем, что, вероятно, тот себя представлял именно так: «*По-видимому, сам Гегель мыслил себя лишь как лицо и не чувствовал своего тела...*».

О достижениях Теургического института повествователь рассказывает с явным сарказмом, главным образительным приемом памфлета. В тексте В.Я. Брюсова он весьма частотен, но далеко не всегда очевиден, как, например, во фрагменте «*Большого я не мог добиться от любезного директора, хотя он и был **чрезвычайно словоохотлив, если надо было изъяснять какое-либо школьное правило***». Эпитеты *любезный* и *словоохотливый*, которые в узусе обладают положительной оценоч-

ностью, в рассказе приобретают ироническую коннотацию, так как они характеризуют манеру невербального поведения директора института, который уклоняется от расспросов ученого-репортера, стремящегося получить научные объяснения. Сарказм усиливается посредством метафорической литоты «*школьные правила*», которая ярче ощущается на фоне недостатка научных терминов, обычно используемых при описании медицинских экспериментов.

Гораздо менее заметен авторский сарказм, который выявляется при сопоставлении числа «воскрешенных» Теургическим институтом – их три – с религиозными представлениями о Троице, отражающей в христианском дискурсе представление о Триипостасности Бога. Сарказм усиливается фоновой семантикой глагола *воскрешать* в прямом значении: «*возвращать к жизни умершего, оживотворять*» [Словарь русского языка 1895: 519]. Оправдательный пример, использованный в словаре «*Апостолы имели благодать от Бога воскрешать мертвых*» указывает на статус, который приписывают себе сотрудники Института. Логическим завершением сарказма служит художественная деталь: в лаборатории находится **двенадцать клеток** – по числу апостолов Христа, первый из которых, **Иуда**, уже воскрешен.

Таким образом, позитивистская терминология в рассуждениях директора, который является главным объектом сатирического изображения в памфлете, соседствует с терминологией религиозного дискурса (ср. толкование лексемы *теургия* – [греч. *theurgia* — чудо от *theos* — бог и *ergon* — дело] (религ.). В некоторых религиозных учениях, античных и средневековых, вид магии, посредством которой считалось возможным подчинять своей воле действия духов и богов» [ТСУ]).

В памфлете В.Я. Брюсова лексемы религиозного дискурса выступают как элементы языковых приемов, используемых ученым-репортером для сатирической характеристики директора Института теургии, а также для создания иллюзии ритуализации научного процесса: «*директор делал мне честь, исключая меня из числа этих несчастных, недостойных приобщиться к ученым **таинствам** института. А себя при этом держал отчасти как **посвященный в некие великие мистерии, отчасти как «что-то вроде бога, хотя бы и второго ранга»**. Если бы я зажег **ладан** и **воскурил благоухание** перед директором, **как перед иконой**, он, вероятно, не удивился бы*».

На то, что теургия в понимании директора института – это ключ к обретению могущества, а не средства помощи страждущим, указывают различные языковые средства. Такого же мнения придерживаются сотрудники ин-

5 Тартар в древнегреческой мифологии «преисподняя, ад, царство мертвых».

ститута, которых встречается ученый-репортер на пути к кабинету руководящего лица: *заведующий канцелярией, старший ассистент, прозектор, старший сторож*. Перечисление создает ощущение, что интервьюер посетил не научную организацию, а в бюрократическое учреждение. Наверху этой иерархической пирамиды находится директор. В двух редакциях рассказа эта лексема имеет разный графический облик: в издании 1963 г. она написана с маленькой буквы, а в «Торжестве науки» с прописной, что служит средством характеристики персонажа, считающего себя вершителем судеб. Сотрудники института – это коллектив единомышленников, ощущающих причастность к науке, которая им представляется таинством, что Брюсов передает посредством повтора лексем словообразовательного гнезда с вершиной *тайн*. Особенно это заметно в начальном абзаце рассказа, где его элементы словообразовательного гнезда повторяются трижды и усиливаются использованием приема градационного расположения эпитетов (*загадочный, небывалый*), сопровождающегося стилистическим контрастом при характеристике Теургического института: лексемы *институт* и *учреждение* тяготеют к официально-деловому стилю, в то время как определения *загадочный, небывалый* – к художественному, что усиливает сатирическое звучание рассказа.

Черты антиутопии актуализируются в рассказе помощью лексемы **пакибытие** (от слав. «паки» – вновь), которая в православии понимается как «*новое бытие после пришествия и воцарения Сына Человеческого*» [<https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/kratkij-slovar-k-sinodalnomu-perevodu-biblii/394>]. В текстах обеих публикаций она выделена курсивом, поскольку связана с основной проблемой рассказа – отношением к воскрешению человека⁶. Ее, как и термин *личность*, глава института теургии понимает специфически: в противоположность собеседнику, для которого личность⁷ – это невидимая душа, воскрешение которой трудно подтвердить, он воспринимает ее как видимую материальную оболочку, пусть даже восстановленную фрагментарно: «*Каким же путем мы установили пакибытие личности, как не сделав ее восприимлемой для наших органов чувств?*».

Пакибытие воскрешённых описывается ученым-репортером с помощью лексики, принадлежащей к концептуальным полям «Ужас» и «Отвращение», участвующим в создании псевдокарнавализации: *не без содрогания, зеленоватую материю вроде савана, чудовищные морщины, до ужаса отвратительное, трупность ее*

лица, мумия и др. Одноименные семы в составе выделенных слов могут быть представлены архисемами (*до ужаса*), гипер- и гипосемами (*саван – погребальное одеяние; чудовищный – вызывающий ужас*), фоновыми семами (*'зеленоватый' – цвет смерти*), эмосемами (*мумия – 'страх'*).

При создании образов *воскрешенных* Брюсов использует прием гротеска, описывая их посредством лексем, называющих несовместимые понятия и принадлежащих к концептуальным полям «Целое» – «Часть», «Жизнь» – «Смерть», «Красота» – «Уродство», «Гениальность» – «Тупость», «естественность» – «Искусственность». Так, в **клетке №1** с именем Гегеля и указанием **его вклада в науку** повествователь видит «*что-то серое, какие-то клубы не то одежды, не то густого тумана. Но из этого тумана поднималась человеческая голова ... То был не труп, но и не живой человек*». Вместо воскресшего гениального ученого перед взглядом ученого – репортера предстает фрагмент тела, способный лишь принимать пищу и с трудом произносить отдельные слова. Псевдокарнавализация при этом вызвана ощущением повествователя, что перед ним музей-паноптикум.

В то же время имена восстановленных исторических персон вместе с их описаниями образуют фигуру деградации: Гегель – автор первой универсальной концепции развития, Нинон де Ланкло – писательница, хозяйка литературного салона куртизанка, Иуда Искариот – предатель Иисуса Христа, что символизирует нравственную деградацию директора института, который заявляет, что эксперимент распространяется на *исключительно выдающиеся личности*. По мнению автора, читатель должен задаться вопросом: «В каком отношении выдающиеся?» Вряд ли последнего из воскрешенных можно отнести к разряду выдающихся в привычном понимании этого слова: «Отличный, превосходный, выделяющийся среди других» [ТСУ], вызывающий восхищение. Воскрешенный Иуда представляет самое жуткое зрелище: в его бесформенном теле с трудом угадываются черты человека: его внешний вид отражает уродливую душу, а постоянные стоны служат свидетельством посмертных мучений совести. Вопреки здравому смыслу, именно его материализацию директор называет *торжеством науки*. На деле же это попрание директором нравственного кодекса ученого, поскольку имя Иуды стало синонимом корысти и низости.

Дискурсивный анализ текста рассказа свидетельствует о том, что в нем присутствуют черты и памфлета, и антиутопии, а пафос произведения обусловлен предостере-

⁶ В связи с идеей пакибытия следует вспомнить религиозно-философское учение русского философа-футуролога Н.Ф. Федорова, важное место в котором занимала идея воскрешения предков. По мнению литературоведа С.С. Никоненко, именно полемика с его работами повлияла на создание рассказа.

⁷ В статье В. Соловьева, написанной для «Энциклопедического словаря» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона личность определяется как «*внутреннее определение единичного существа в его самостоятельности, как обладающего разумом, волей и своеобразным характером, при единстве самосознания*» [<https://znachenie-slova.ru/личность>]

жением современных писателю ученых от использования непроверенных и необдуманных научных методов. Средствами создания сатиры в произведении служат приемы сарказма, гротеска, контраста, алогизма, абсурда. Антиуто-

пический эффект достигается с помощью таких языковых средств, формирующих подтекст, рассказа, как актуализация фоновой семантики имен числительных, использование интертекстуальных вкраплений, антропонимов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ануфриев А.Е. Футурологические прозрения В. Брюсова в рассказах-антиутопиях начала XX века [Электронный ресурс]. URL: <http://advanced-science.ru/assets/mgr/docs/4...anufriev.pdf> (дата обращения: 17.07.2023).
2. Бастракова М.С. Академия наук и создание исследовательских институтов (Две записки В.И. Вернадского) // Вопросы истории естествознания и техники 1999. № 1. С. 157 — 167.
3. Бахича Э.А. Лингвокультурологический концепт революция в языковой матрице идиостиля А. Аверченко (на примере памфлета «Поэма о голодном человеке») // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Филологические науки. 2015. Том 1 (67). № 3. С. 55-60.
4. Бердяев Н.А. Смысл творчества [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vehi.net/berdyayev/tvorch/10.html> (дата обращения: 26.07.2023).
5. Большой академический словарь русского языка. Том 6. М.: Российская академия наук. 2006. с. 659;
6. Брюсов В. Не воскрешайте меня! // Техника-молодежи, 1963, 12, с. 16-17.
7. Брюсов В. Огненный ангел. СПб.: Северо-Запад, 1993.
8. Гассиева В.З. Три автора — три концепции: революция, социализм и будущее человечества в творчестве Е.И. Замятина, А.П. Платонова, М.А. Булгакова / Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова. — Владикавказ, 2012.
9. Даль В. Толковый словарь живаго великорусского языка. Т.3. — СПб, М., 1882.
10. Краткий словарь к Синодальному переводу Библии [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/kratkij-slovar-k-sinodalnomu-perevodu-biblii/394> (дата обращения: 20.07.2023).
11. Луначарский А. В. Метаморфоза одного мыслителя Наследие А.В.Луначарского [Электронный ресурс]. URL: <http://lunacharsky.newgod.su> (дата обращения: 26.07.2023).
12. Митрофанов А. Основоположник нейрохирургии Ефрем Мухин изучал воскрешение людей [Электронный ресурс]. URL: https://salik.biz/articles/56751-osnovopolozhnik-neirohirurgii-efrem-muhin-izuchal-voskreshenie-lyudei.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 24.07.2023).
13. Примочкина Н.Н. Демонологические сюжеты и образы в художественном мире М. Горького // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2020. № 1. С. 113-126.
14. Прокошенкова Л.П., Гецкина И.Б. Дискурсивный анализ и его роль в современной лингвистике Вестник Чувашского университета : Год: 2006. №4. С.451-456.
15. Скрыпник В.Р. Инфернальные типы русской революции. по роману Ф.М. Достоевского «Бесы» // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2018. № 2-2. С. 42-47.
16. Словарь русского языка, составленный вторым отделением Императорской академии наук. Т.1 СПб, 1895.
17. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. — М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935—1940. (ТСУ)
18. Томский литературный калейдоскоп [Электронный ресурс]. URL: <http://kaleidoscope.library.tomsk.ru/news/news2729/> (дата обращения: 10.07.2023).
19. Чижевский А.Л. Вся жизнь. М.: «Советская Россия», 1974. С. 74—79.
20. Шепелева Ю.Е., Долгина Е.С. Антиутопия как жанр фантастической литературы // Вестник магистратуры. 2015. №11. Т.4. С.13 - 15
21. Щавелёв С.П. «Окаянные дни» И.А. Бунина: Политический памфлет или трактат историка? // Наука. Искусство. Культура. 2020. Выпуск 4 (28). С.113-133.
22. Энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://znachenie-slova.ru/sarkazm>. (дата обращения: 07.07.2023).

© Грязнова Анна Тихоновна (grant09@yandex.ru), Логинов Александр Викторович (loginov13av@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»